

Первые словесно-литературные учителя А.С. Пушкина

Владимир Аннушкин,
доктор
филологических наук,
профессор Института
русского языка
им. А.С. Пушкина

Когда в публичной аудитории (например, студенческой) задаёшь вопрос: «Кто был первым учителем Пушкина в литературных опытах? Кто первым стал ему наставником как поэту?», слышишь очень разноречивые и гадательные ответы. Одни называют Василия Андреевича Жуковского, — но Жуковский был старшим другом и наставником Пушкину уже в относительно зрелые годы жизни поэта, хотя и написал метафорически: «Победителю ученику от побеждённого учителя». Другие робко произносят имя Державина, но, как известно, «старик Державин» лишь «нас заметил и, в гроб сходя, благословил». Кто-то называет няню Арину Родионовну, но няня рассказывала сказки и никак не занималась обучением юного поэта. Вопрос же ставится именно так: кто обучал писать, читать, т.е. письменной речи, литературной, как теперь бы сказали, грамоте, кто принял первые стихотворные опыты и направил (подлинно «правил») перо поэта?

Конечно, это были учителя, преподаватели Лицея, где Саша Пушкин вместе с другими «царскосельскими отроками» учился с 1811 года. И здесь начинаются некоторые мифы: «Куницыну дань сердца и ума! Он создал нас, он возродил наш пламень!..» Но Куницын читал «нравственные науки» (логику, психологию, естественное право, политическую экономию и «финансы»), поэтому, строго говоря, к словесности как «способности выражать мысли и чувства в слове», развитию «словесного дара» (даю формулировки пушкинской эпохи. — В.А.) прямого отношения не имел. Между тем обычно исторические оценки Царскосельского лицея склонны отдавать дань «прогрессивному» и «либерально настроенному» Куницыну и другим «революционно настроенным» профессорам. Это ведь легче, чем объективно разбираться в том, кто же реально воспитывал словесно-литературные вкусы юных лицейцев.

Наиболее ранний биограф В.П. Авенариус полагает, что первое пробуждение лицейской музыки поэта «должно быть всецело отнесено к заслугам профессора латинской и российской словесности Николая Фёдоровича Кошанского»¹. Другим учителем словесности, временно заменившим Кошанского (из-за его болезни), был Александр Иванович Галич, преподававший лишь с 10 мая 1814 года по 1 июня 1815 года, но снискавший подлинную любовь юных лицейцев.

Что же знаем мы о тех, кто были первыми учителями русского языка и словесности для нашего величайшего национального поэта? Знаем ли мы, «благодарные потомки», их биографии, переизданы ли их труды, исследована ли «метода» преподавания, не довольствуемся ли мы мифами о том, кто был первым наставником Пушкина в его словесных упражнениях (а это были именно «упражнения»)?

Дата рождения Николая Фёдоровича Кошанского — 1784 или 1785 год. Он учился в Московском университетском пансионе одновременно с В.А. Жуковским, а студентом Московского университета преподавал риторику в Благородном университетском пансионе и Московском воспитательном доме, Екатерининском московском институте, пансионатах и частных домах. В 1802 году Кошанский окончил Московский университет сразу по двум факультетам: философскому (с золотой медалью) и юридическому. Затем преподавал латинский и греческий языки в университетской гимназии, российскую риторику в Московском университетском

¹
Авенариус В.П.
Отроческие годы Пушкина:
Биографическая повесть. М.,
1993. С. 78.

пансионе, а с января 1805 г. был магистром философии и свободных наук. В 1807 г. Кошанский защитил диссертацию «Изображение мифа о Пандоре в античных произведениях искусства» (на латинском языке), получив степень доктора философии.

Таким образом, ко времени открытия Царско-сельского лицея в 1811 г. это был молодой, известный искусствовед-учёный и филолог, преподаватель русского и латинского языка и словесности. Кошанский преподавал в Лицее российскую словесность и латинский язык вплоть до 1828 года, когда по состоянию здоровья вынужден был покинуть службу. Я.К. Грот, учившийся в Лицее с 1826 года, среди «очень хороших профессоров» называет Кошанского — «по русской и римской литературе». К концу своей педагогической и учёной карьеры Кошанский накопил огромный опыт, который реализовал в двух учебниках «Общая риторика» (1829) и «Частная риторика», вышедшей посмертно в 1832 г. (Кошанский скончался в конце 1831 г. в Санкт-Петербурге при вспышке эпидемии холеры). С тридцатых годов XIX века наступает слава Кошанского как создателя известных учебников риторики, по которым учились несколько последующих поколений российских студентов.

Преподаванию в Лицее филологических наук и прежде всего «русской словесности» уделялось главнейшее внимание. Правда, как учебный предмет «русский язык» отсутствовал в расписании лицейских дисциплин, но очевидно, что языку и словесности (античной, отечественной, иностранной) отводилась первенствующая роль.

Занятия в Лицее открывались лекцией Кошанского «О преимуществе русского слога». В.П. Авенариус так описывал занятия Кошанского:

«Страстный поборник древней классической поэзии, талантливый переводчик многих классических произведений, Кошанский с увлечением молодости старался втянуть и своих юных слушателей в этот отошедший уже в вечность, но все ещё чарующий мир. А на уроках русского языка, рядом с заучиванием од Ломоносова и Державина, басен Хемницера и Крылова, он посвящал мальчуганов и практически в тайны стихосложения»².

Очевидно, в отборе текстов для занятий сказался вкус Н.Ф. Кошанского: он не только предлагал классические образцы (их воспитательный эффект очевиден), но в 1826–1828 годах, наряду с текстами Гомера, Корнелия Непота и Федра, разбирая тексты Пушкина и Жуковского, о чём вспоминает учившийся в эти годы в Лицее Я.К. Грот.

Впрочем, оценки Кошанского как современниками, так и потомками достаточно противоречивы. Тот же Авенариус в своей популярной повести, изображая Кошанского, полагает, что Кошанский придавал в стихах наибольшее значение «выспренности», но если откроем написанные впоследствии учебники Кошанского, то увидим, сколько осудительной иронии вкладывает автор лучшей риторики в творения тех авторов, которые полагают истинное красноречие в «высокопарности» или действии на «разум, волю и страсти тропами и фигурами» вместо того, чтобы заботиться прежде всего о «мыслях и их расположении». Так, может быть, есть что-то несправедливое в оценках потомков как самой фигуры Кошанского, так и преподаваемого им предмета?

Впрочем, отношение к учителю формировал сам вольнолюбивый и самостоятельно мыслящий Пушкин. Едва ли не основным аргументом в отрицательной оценке Кошанского послужило обращение к нему Пушкина в стихотворении «К моему Аристарху». Любопытно восстановить по тексту стихотворения личность Кошанского, способ преподавания и общения с учениками. При этом, несомненно, надо помнить, что стихи пишутся 16-летним юношей зрелому учителю:

*Пожилый, трезвый Аристарх,
Моих бабических посланий,
Не осуждай моих местами
И существа в восторженных стихах...*

Кошанский разбирал — и, видимо, весьма критически — первые стихотворные опыты лицеистов. Кто прав — юный ученик (хотя и Пушкин) или опытный учитель, не будем выносить скорого суждения. Учительский опыт подсказал бы учителю, как неохотно подростки выслушивают критические замечания, за которые бывают благодарны впоследствии. Кстати, именно таким, абсолютно неспособным к восприятию каких-либо критических замечаний, проигрывающим в спорах, но искренним, азартным, увлекающимся представлен Пушкин в биографии Авенариуса. Но повесть Авенариуса, несмотря на лежащие в её основе документальные свидетельства, художественна, а диалоги выдуманы, теперь же пора восстанавливать объективную картину.

Очевидно, что учитель «осуждает», а самолюбивый талантливый ученик не терпит критики. Здесь же юный Пушкин формулировал свою литературную позицию, близкую к эпикурейской философии наслаждения жизнью и удовольствий, отсутствия отягощаю-

² Авенариус В.П. Отроческие годы Пушкина... С. 78.

щих трудов, догматических правил и т.д. Что это, как не традиционная юношеская бравада, противопоставляемая родительскому или учительскому опыту, столь знакомые всякому, кто перешёл юношеский возраст?

Но Пушкин объясняет свою позицию. И, скорее всего, это прямой намёк на содержание занятий Кошанского:

*Плюды вестного досуга
Не для бессмертной славы,
Но разве так соблазны
Для самого себя, для друга,
Для для Якоби молодой.
Почини, срабавск надо мной —
Не пурры мне твои уроки.
Я знаю сам свои пороки...*

Ну, конечно, это противопоставление таланта, вдохновения, лёгкого содружества с музой — унылому труду, правилам, «кряхтению» над рифмой — в сущности, это будущий конфликт «гуляки» Моцарта и «ремесленника» Сальери. Хотя очевидно, что всякий настоящий художник знает, что такое труд, только имеет свой «образ» труда. Здесь же ясно, что бравирующий ученик самонадеянно пишет о том, что «знает сам свои пороки», но с чьей помощью?

Теперь сопоставим двух пушкинских учителей словесности. Отношение к А.И. Галичу, временно заменившему Н.Ф. Кошанского, было явно дружелюбным. А.И. Галич — антипод Кошанскому: если Кошанский — «угрюмый цензор», то Галич как раз любит «праздность и покой», если Кошанский — «гонитель», то Галич — «мудрец ленивый», зовущий «в уют уют поэзии счастливой», в ком «трудиться нет охоты...». Какой же тип учителя лучше: «гонитель» или «ленивец»? «Обличитель» или «верный друг бокала»?

Очевидно, что в Кошанском и Галиче мы наблюдаем два противоположных педагогических метода как типа общения с учениками, которые, несомненно, живы и поныне. Один учитель представляется строгим и педантичным, но за этими качествами стоит большая любовь к ученикам и дружба с ними (что доказывается множеством свидетельств: заметками Кошанского на полях стихотворений, прямыми обращениями к «любезным друзьям», педагогическими трудами, но впоследствии также и добрыми отзывами лицейцев). Другой — «беспечен» и «ленив», но философскими беседами пробуждает искры вдохновения у своих учеников.

Конечно, большинство наших пушкинистов (Ю.М. Лотман, М.П. Алексеев) попали под влияние оценки юного Пушкина, причислив Галича к разряду «прогрессивных» и «либеральных», а Кошанского — к числу «педантов» и «староверов». Так, Ю.М. Лотман среди учителей Пушкина упоминает лишь Куницына и Галича, «не чуждых либеральных идей», и полагает, что «преподаватели, подобные Куницыну, и директор Малиновский, действовали, главным образом, не лекциями (Куницын не обладал даром увлекательной речи), а собственным человеческим примером, показывая образцы гордой независимости и «спартанской строгости» поведения»³. Но что за «спартанская строгость поведения» у «верного друга бокала и жирных утренних пиров», обладающего «крепким сном ленивца»?.. Очевидно, что односторонний взгляд, не учитывающий всех сторон личностей изучаемых педагогов, будет поверхностен — и особенно если не обратиться к анализу текстов, правленных Кошанским, а затем к его собственным учебникам риторики.

Пусть в методах преподавания и общения с учениками оба педагога достаточно противопоставлены, они схожи в одном: горячей любви к словесности и риторике. Характерно, что оба почти одновременно (это был период смены учебников Министерством просвещения) написали свои учебники: «Общая риторика» Кошанский в 1829 году, «Теория красноречия» — Галич в 1830 году. Готовя 2-е издание в 1830 году, Кошанский правил текст, исходя из «учительских» установок, например, он добавлял обращение «Любезные друзья!» в текст 1-й главы и упрощал текст, делая его более понятным для учеников⁴. Успех учебников Кошанского превзошёл все ожидания: «Общая риторика» выдержала 10 изданий до 1849 года, а затем продолжала анонимно входить отдельными главами в «Теорию словесности» 1851–1860 гг., составленную И.И. Давыдовым на основе учебников К.П. Зеленецкого.

«Теория красноречия» А.И. Галича написана «с извлечениями из немецких авторов». В отдельных местах эта книга замечательна своими практически советами, например, о том, как надо писать сочинение. Подробному разбору этих советов следовало бы посвятить специальную статью — пока отсылаем заинтересованного читателя к двум хрестоматиям

³ Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Л., 1982. С. 17, 18.

⁴ Анализ правки Кошанским своего учебника при подготовке 2-го издания см. в нашей статье: Кто же автор анонимной «Теории словесности» 1851–1860 годов? // Риторика. 1996. № 1(3). С. 107–123.

по риторике с пространными отрывками из сочинений Н.Ф. Кошанского и А.И. Галича⁵.

Для достижения целей воспитания и образования любого пишущего или говорящего человека, по мнению Кошанского, существуют три средства (и в этом состоит задача риторики): «1. Чтение, 2. Размышление, 3. Собственные упражнения». Чтение требуется, чтобы замечать лучшие слова, идеи, выражения, прекрасные мысли», размышление образует «способность рассуждать», а собственные упражнения необходимы потому, что «тот, кто не упражнялся в составлении учебных сочинений, всегда будет не тверд в слове и не сможет «написать десяток строк связно».

Кошанский и будет постоянно заниматься образованием ума через «размышление» и, конечно, тренировкой поэтического таланта лицеистов. Вывод о том, что Кошанский действительно сыграл большую роль в литературном образовании и развитии как самого Пушкина, так и его товарищей, делает и академик К.Я. Грот, сын лицеиста Я.К. Грота,

учившегося у Кошанского в 1826–1828 годах. Практическое посвящение в тайны стихотворства имело определённую методику, с которой интересно познакомиться и современному педагогу. Современный методист увидит, что мы многое заимствуем из старинного опыта преподавания словесности и риторики.

Так, именно учитель задаёт темы сочинений. Темы были преимущественно нравственно-этического характера. Вот, например, тема для рассуждения Илличевского, который первое время считался главным лицейским поэтом и лишь позднее уступил пальму первенства Пушкину:

«Строгое исполнение должностей доставляет чистейшее удовольствие». Или пространное стихотворение Кюхельбекера на тему, несомненно, также внушённую Кошанским: «Бессмертие есть цель человеческой жизни» (ср. отголосок этой темы выше у Пушкина: «Плоды весёлого досуга не для бессмертья рождены...» — разве юный ученик будет одобрять столь серьёзную тему?). Эти темы сегодняшнему учителю и ученику (особенно такому же пятнадцатилетнему), должно быть, кажутся чересчур серьёзными. Но из Пушкина и его товарищей эта возвышенная и осуждённая некоторыми критиками риторичность (В.Г. Белинский) готовила философски серьёзных и государственно мыслящих людей, умевших быть

весельчаками на дружеской пирушке и государственными мужами в деловом собрании.

От «бессмертия» и «строгости исполнения обязанностей» легко перейти к шуткам и словесным играм, наполняя и само легкомыслие философской глубиной. Это методический постулат для наших современников: не от развлечения к глубокомыслию, а от серьёзно-этических раздумий к стилевому разнообразию мыслей, чувств и словесного выражения.

Как же воспитывал и «мучил» своих учеников Кошанский? Он получал от них стихотворные произведения и давал внимательные словесные оценки (если бы такие оценки имел время и желание писать современный учитель-словесник!). Вот, например, на первое стихотворение Илличевского «Добродетель» он записывает: «Мысль и стихи очень хороши». К сочинению в прозе «Бурная ночь», кроме заметки на полях «C'est beau?» значимый учительский совет: «Окончание прекрасно. — NB. Владея языком, должно уметь употреблять его. — План вашей бурной ночи несколько тёмно — не везде верно изображение природы — особенно переход от вечера к утру. Есть много слов излишних, много не то значащих, что Вы сказать хотели. Но всё вообще показывает Вашу способность владеть языком и счастливый дар легко выражать мысли и чувства. Прошу Вас, М.г., быть осторожным в выборе слов и заменять всё бурношменное скромным благоприличием и тихим чувством. Ваш слуга Кошанский»⁶.

Стиль уважительного и требовательного общения с юными лицеистами, несомненно, был педагогическим постулатом учителя Кошанского. При этом он не только делал письменные критические заметки для своих учеников, но и много беседовал с ними, не жалея времени и сил: «Большую часть замечаний я сказал и скажу изустно...» — пишет он, разбирая историческую оду «Освобождение Белграда». Впрочем, затем, как истинно увлечённый человек, подробно разбирает сюжет написанной оды с остроумными замечаниями о том, что описание колодцев, может быть, «хорошо для историка, а поэту никак нельзя из них напиток»⁷.

Хотя взгляды учителя представлялись Пушкину и другим лицеистам несколько архаичными, скорее всего, это дань юношеской незрелости, не склонной к серьёзности и требовательности классического учителя. Относительно филологической концепции и методических взглядов Кошанского существует ряд мифов, которые с трудом поддаются пересмотру. Один из таких мифов — тезис о приверженности Кошанского «высренности»: в сочинённых Авенариу-

⁵ Русская риторика / Сост. Л.К. Граудина. М., 1996; Аннушкин В.И. История русской риторики: Хрестоматия. М., 1998; 2-е изд. М., 2002.

⁶ Грот К.Я. Пушкинский лицей. СПб., 1998. С. 161.

⁷ Грот К.Я. Пушкинский лицей... С. 161–162.

сом диалогах Кошанского с лицеистами учитель настаивает, чтобы стихи были «подобающе выпрениными». Очевидно, что это выдумка позднейшего биографа: при всей приверженности классическим вкусам Кошанский не мог настаивать на пустой и холодной выпренности стиля — напротив, в его «Риториках» постоянны требования яркого воображения, искреннего вдохновения, точного «природного» описания, простоты и краткости стиля.

Н.Ф. Кошанский был известен как литератор и как переводчик множества романов и эстетических трактатов. Но наибольшую славу и влияние принесли ему педагогические труды. Учебник латинской грамматики выдержал 11 изданий (СПб., 1811–1844), русской грамматики — 9 изданий (СПб., 1807–1843), «Общая риторика» имела 10 изданий (1829–1849) и «Частная риторика» — 7 изданий (1832–1849). Количество изданий ясно говорит о влиятельности личности автора и его идей — даже после кончины педагога (1831) его книги продолжали активно переиздаваться. При этом не стоит ссылаться на мнение революционно-демократической критики, например, В.Г. Белинского, которому все «риторики» казались «пошлы и вульгарны» — очевидно, что это мнение новатора-преобразователя, который с революционным пафосом обличает классическую науку риторику, не утруждая себя внимательным разбором, а затем, пользуясь теми же риторическими приёмами, используя те же риторические аргументы и средства выразительности, громит своих противников, утверждая новый литературный стиль и новый взгляд на предмет словесности.

По учебникам Н.Ф. Кошанского учились несколько поколений российских студентов. Живость изложения, множество дополнительных сведений по логике и эстетике, иллюстрация риторических указаний многочисленными примерами из древней и новой литературы снискали Кошанскому славу замечательного писателя-педагога. Если общая риторика излагала общие правила составления сочинений, то частная риторика предлагала правила к отдельным видам: как писать письма, как вести разговоры, как строить учебные и учёные сочинения, каковы разновидности ораторского красноречия, наконец, как пишется художественная (или изящная) проза.

Одним из первых Н.Ф. Кошанский пытается разделить значения словесности и литературы. В начальном определении они даны как синонимы: «словесность или литература вообще наука, объёмлющая полное знание одного или многих языков и все письменные произведения и писателей». Одна-

ко литература — понятие более узкое, относящееся к области письменно-печатной словесности, поэтому существуют понятия *истории литературы* как «истории писателей» и «литературы какой-либо науки или искусства — собрания сочинений или писателей по той части». Толкование основных терминов базируется на филологической культурной традиции, рассматривающей развитие общества в связи с развитием языка или форм словесности. Поэтому «народы дикие имеют язык, но не имеют литературы»; а просвещённые по успехам литературы заключают о степени образования народа».

Кошанский разработал учение об источниках изобретения мыслей. В названии первой важнейшей части риторики (после определения «словесных наук») Кошанский вводит термин «источник мыслей» и, возражая противникам «источников изобретений», определяет: «Первый и главный источник всякого сочинения есть предмет, или предложение. Предметом сочинения называют одно понятие, идею, одно слово. Например: *Провидение. Весна. Буря...* Предложение заключает в себе краткую, полную мысль, которая говорит что-либо ясно уму и тайно сердцу». Итак, главный «источник» — сам «предмет». Автор призывает к размышлению: «Когда дано или избрано предложение, то прежде всего старайтесь хорошо понять его...»

Классификация «источников изобретения» Н.Ф. Кошанского настолько педагогически и писательски целесообразна, что на неё и современному учителю следует обратить особое внимание. Согласно Н.Ф. Кошанскому, существуют три рода источников изобретения: первый даёт способы распространять одно предложение; второй — «учит из одного предложения выводить другие»; третий — показывает, «откуда почерпаются доказательства, согласные с целью писателя», и относится к частной риторике.

Первый род источников изобретения включает десять способов: первые три служат к «приисканию слов» (синонимы, эпитеты, противные); затем — семь известных вопросов кто? что? где? при чьей помощи? для чего? каким образом? когда?».

Второй род включает двадцать четыре источника, причём из предварительных комментариев Н.Ф. Кошанского ясно, что речь идёт о порождении или распространении мыслей: «Всякая мысль рождает другую. В каждом предложении таится другое, в другом — третье...» Как бы отвергая обвинения сво-

Н.Ф. Кошанский
(с карикатуры
лицеистов)

их будущих оппонентов в формализации процесса мысли, Н.Ф. Кошанский показывает, как общие места служат риторической педагогике, открывая способности *мыслить*: «Открывать в одной мысли другие, искать в данном предложении новых значений *мыслить*. Нельзя тому сочинять, кто не умеет и не хочет думать: *хорошо писать значит хорошо думать*».

Н.Ф. Кошанский фиксирует внимание читателя и учеников (сила его книг — в обращённости к ученикам) на значении теорий изобретения и расположения: «истинное красноречие всех веков и народов состоит в прекрасных мыслях, в искусстве располагать и составлять сочинение, а не в наружности, которая в живом языке пленяет только один век, одно поколение». Правила, о которых пишет Н.Ф. Кошанский для «юной неопытности», должны

быть подкреплены «собственным размышлением и наблюдательным чтением лучших сочинений».

Судьба Александра Ивановича Галича (1783–1848) — преподавателя Царскосельского лицея, а затем одного из первых представителей философской кафедры в Петербургском университете, была более драматичной, чем судьба его коллеги. В 1818–1819 гг. он издал в двух томах «Историю философских систем», за что был обвинён в безбожии и революционных замыслах. В 1837 г., лишившись оклада профессора и казённой квартиры, Галич получил место начальника архива при провиантском департаменте. Несмотря на постигшие его невзгоды, Галич продолжал работать и издал несколько книг. Больше всего его занимали два труда: «Всеобщее право» и «Философия истории человечества», но едва он успел закончить их, как в его отсутствие пожар бесследно уничтожил рукописи.

«Теория красноречия» Галича, написанная в 1830 г., представляет собой фундаментальный труд. При несколько тяжеловатом стиле изложения А.И. Галич философичен и включает в рассмотрение риторики психологические, логические и эстетические начала.

Риторика понимается А.И. Галичем как теория красноречия, «научающая систематически обрабатывать сочинения на письме и предлагать изустно так, чтобы они и со стороны матери, и со стороны фор-

мы, т.е. и по содержанию, и по отделке нравились читателю или слушателю, производя в его душе убеждение, растроганность и решимость удачным выбором и размещением мыслей, и равно и приличным выражением мыслей с помощью слов и движений телесных». Стоит обратить внимание на объяснение красноречия как искусства «мыслить и говорить», отчего требуется столько же прилагать старания о выражении, сколько и об умственном запасе прилагать»⁸.

В соответствии с тремя областями наук выделяются три фигуры: грамматик, оратор и стихотворец. Если первый должен быть только «понятным», то оратор имеет целью «убеждать других в важной истине непосредственно рассудком», а стихотворец — «только нравиться чувству и воображению приятными вымыслами».

Любопытны требования к оратору, представляющие собой развитие классической теории ораторских нравов. В ораторе предполагаются: 1) со стороны *умственной или теоретической*: а) пронзительный ум с целью правильно познавать истинное и важное во всём, что человека наиболее занимает; б) богатая и смелая фантазия; в) обширные сведения в науках; г) образование со стороны искусств, преимущественно же опытность и навык в своём собственном; д) изучение языков, грамматическое и философское; 2) со стороны *нравственной* — живое чувство священного сана человеческого, пламенная ревность к... общему благу и крепкая, непоколебимая воля; 3) со стороны *физической* — приличная наружность, звучный орган голоса, крепкая грудь».

Замечательны некоторые части учебника А.И. Галича, в частности, его мысли о природе страстей как основной «цели витийства» с анализом способов возбуждения и форм выражения каждой страсти. Современное преподавание речевых дисциплин могло бы многому поучиться, анализируя опыт описания и построения занятий лицейских учителей словесности.

Глубина и разнообразие трудов Н.Ф. Кошанского и А.И. Галича, филологических учителей Пушкина, не оценены в полной мере его потомками. К сожалению, даже 200-летие со дня рождения поэта не пробудило широкого интереса к их учителям. Если исследователи современной научной риторики давно признали Н.Ф. Кошанского и А.И. Галича своими классиками⁹, то современной школе и широкому читателю эти замечательные педагоги, учёные и писатели-стилисты почти неизвестны. Но у потомков, кажется, всегда есть возможность исправить положение — ведь «сердце в будущем живёт...».

⁸ Галич А.И. Теория красноречия. Спб., 1830. Цит. по: Аннушкин В.И. История русской риторики: Хрестоматия. М., 1998. С. 315–323.

⁹ См. многочисленные ссылки на труды Кошанского и Галича в современных статьях. Для преподавателей русского языка рекомендуем сборник: Предмет риторики и проблемы её преподавания: Материалы Первой Всероссийской конференции по риторике. Москва, 1997 г. 28–30 января. М., 1998.